

Полицейский участок улицы Хунсян

Чжоо Чэню пришлось отпроситься с работы. Дорога на неторопливом, застревающем на каждом перекрёстке автобусе заняла почти час.

Женщина-офицер, коротко выслушав его, проводила Чжоо Чэня в кабинет примирения.

Там его ждали лишь дежурный полицейский и обе стороны конфликта: ссутулившийся Ян Вэньбо со свежими ссадинами на лице и холёная дама в строгом костюме от Шанель и с жемчужным ободком в волосах.

Завидев брата, Ян Вэньбо пренебрежительно фыркнул, всем видом показывая:

— Я же говорил, что прибежишь.

Чжоо Чэнь даже не повёл бровью. Внутри всколыхнулись привычная злость и глухая обида, но за долгие годы этой грязи накопилось столько, что она давно превратилась в полное онемение.

Молодой полицейский, сидевший во главе стола, поднялся навстречу и пожал Чжоо Чэню руку. Парень выглядел совсем юным, с короткой, задорно топорщащейся во все стороны стрижкой-ёжиком, которая выгодно подчёркивала его круглую голову. От него веяло открытостью и той самой неопытной, чистой справедливостью, какая бывает только у идеалистов, ещё не успевших столкнуться с изнанкой жизни.

— Здравствуйте. Меня зовут Чжуан Ишуй.

— Добрый день. Я Чжоо Чэнь, старший брат Ян Вэньбо.

— А это госпожа Тао Цзинчжу, — Чжуан Ишуй указал на женщину, которая сидела напротив Ян Вэньбо, высокомерно скрестив руки на груди.

С тех пор как Чжоо Чэнь переступил порог, она ни разу не удостоила его прямым взглядом, демонстративно отвернувшись к пустой стене с видом оскорблённого достоинства. Она явно не собиралась идти на попятную. Чжуан Ишуй покосился на него и сокрушённо вздохнул.

С самого начала госпожа Тао твердила лишь одно: она требует полного возмещения ущерба. Едва войдя, она сразу же вызвала своего адвоката — судя по всему, в случае провала мирных переговоров дело немедленно отправилось бы в суд. Чжуан Ишуй, будучи зелёным новичком, не обладал той давящей профессиональной харизмой, которая отличает прожжённых оперативников, так что Тао Цзинчжу его ни во что не ставила. К тому же Ян Вэньбо оставалось ещё несколько дней до совершеннолетия, и без присутствия официального опекуна вести полноценный диалог было попросту невозможно.

Глядя на поблескивающий в электрическом свете жемчужный ободок на голове дамы, Чжоо Чэнь подавил тяжёлый вздох.

— Госпожа Тао, примите мои искренние извинения, — негромко произнёс он. — Мой брат поступил крайне безрассудно и повредил ваш автомобиль. Как старший, я полностью признаю его вину и прошу у вас прощения.

Его голос, мягкий и вкрадчивый, прозвучал неожиданно приятно, словно лёгкое прикосновение шёлка. Тао Цзинчжу не выдержала и наконец соизволила обернуться. Бледное лицо молодого человека, на котором читалась покорная готовность принять любой удар судьбы, пробудило в её душе неожиданное любопытство.

Она скользнула по нему оценивающим взглядом. Ян Вэньбо и Чжоо Чэнь — у этих братьев даже фамилии разные. Странная семейка.

— Вы действительно братья? — прищурилась она.

Чжоо Чэнь горько улыбнулся.

— Единоутробные. Офицер уже проверил мои документы. Если вы не доверяете мне, то государственным бумагам, думаю, поверите.

— Давайте присядем и всё обсудим, — мягко вмешался Чжуан Ишуй, указывая на стулья.

Чжоо Чэнь сел рядом с братом. Ян Вэньбо тут же демонстративно отодвинул свой стул подальше, словно от зачумлённого. Он мысленно закатил глаза, но внешне сохранил образ заботливого родственника.

— Как ты? — негромко спросил он. — Сильно ушибся? Есть ещё раны?

Ян Вэньбо резко повернул голову и уставился на него злым, колючим взглядом.

"Твою мать, ну и урод! — Ян Вэньбо стиснул зубы от злости. — По телефону орал, что ему плевать, разговаривал как с собакой, а теперь припёрся и корчит из себя любящего братца перед чужими людьми? Лицемер дешёвый!"

— Заткнись, — сквозь зубы процедил подросток. — Свои сопли придержи для кого-нибудь другого. Тошнит от тебя.

Он снова отвернулся, подставив Чжоо Чэню упрямый затылок.

Заметив неловкую заминку, Чжуан Ишуй поспешил разрядить обстановку:

— Всё в порядке, его уже осмотрел дежурный врач. Обошлось обычными ссадинами при падении, ничего серьёзного.

Чжоо Чэнь благодарно кивнул:

— Спасибо вам большое.

Полицейский открыл папку с протоколом и перевёл взгляд с Чжоо Чэня на потерпевшую.

— Раз все в сборе, давайте перейдём к делу. Госпожа Тао, ваши требования остаются прежними — вы настаиваете на полном возмещении ущерба со стороны виновника?

Тао Цзинчжу едва заметно кивнула. Ей было уже под сорок. Несмотря на регулярные визиты к косметологу, дорогие уколы гиалуроновой кислоты и баночки с кремами стоимостью в целое состояние, время неумолимо брало своё. Сейчас, разглядывая сидящего напротив Чжоо Чэня — красивого, утончённого, но забитого жизнью, готового буквально на задних лапках вымаливать пощаду, — она ощутила, как в груди шевельнулся странный, приторный азарт. В последнее время ей как раз хотелось завести себе смазливую игрушку.

"Молоденького, покорного пёсика, который будет беспрекословно заглядывать мне в рот"

— Одних извинений, молодой человек, тут явно мало, — лениво протянула она, уже мысленно набрасывая лассо на шею своей потенциальной жертвы. — Мою «Феррари» только сегодня утром забрали из автосалона. Муха не сидела! Я даже номера получить не успела, не говоря уже о страховке. Припарковалась у обочины буквально на минуту, чтобы купить бутылку воды, выхожу — а этот малолетний оболтус разворотил мне полмашины. Была бы страховка — ладно, замяли бы. Но сейчас платить за ремонт придётся из вашего кармана.

Чжоо Чэнь сглотнул, почувствовав, как пересохло в горле.

— И... какова стоимость ремонта?

— Сделаем так, — Тао Цзинчжу вальяжно облокотилась на стол, одарив Чжоо Чэня великодушным взглядом благодетельницы. — Я же вижу, что вы простые нищие студенты. Вхожу в положение. Так и быть, уступлю: оплатите хотя бы половину.

Изобразив на лице робкую признательность, Чжоо Чэнь почувствовал, как сердце упало куда-то в бездну. Интуиция подсказывала: эта дамочка пошла на уступки вовсе не из жалости. У неё был свой, весьма грязный интерес.

Чжуан Ишуй тем временем заглянул в лежащую перед ним смету из автосервиса.

— Официальный дилер оценил работы в один миллион шестьсот тысяч юаней. Соответственно, половина — это восемьсот тысяч.

Молодой полицейский из всех сил старался сохранить невозмутимый вид, хотя внутри у него всё похолодело. Сам он мысленно поклялся, что отныне на дороге будет держаться от дорогих тачек за километр.

Восемьсот тысяч... Да хоть бы и восемьдесят — для Чжоо Чэня это была неподъёмная сумма. Он перебрался в Суйян всего три месяца назад. Последние два месяца перебивался случайными заработками, выступая по вечерам в барах. Все крохи уходили на то, чтобы оплачивать жильё и высылать Ян Вэньбо деньги на жизнь, а ведь нужно было ещё как-то откладывать на оплату его следующего учебного года.

Собственно, это и было главным условием, под которым отчим, Ян Кай, согласился вернуть Чжоо Чэню паспорт и отпустить его из Богом забытой деревни вместе со своим любимым сыночком. Самому Чжоо Чэню поступить в университет не светило, зато выпала сомнительная честь пашать на чужое высшее образование. Смех сквозь слёзы, да и только.

Ян Вэньбо наконец осознал всю глубину пропасти, в которую угодил. Восемьсот тысяч! О таких цифрах он читал разве что в новостях. Подросток понимал, что ремонт обойдётся недёшево, но реальность превзошла самые худшие ожидания.

— Да там же просто фара разбита и крыло помялось! — сорвался он на панический фальцет. — Откуда такие бешеные деньги?!

Тао Цзинчжу презрительно фыркнула:

— Деревенщина немытая. Сразу видно — слаще репы ничего в жизни не видел.

Чжоо Чэнь больно схватил брата за локоть, заставляя замолчать, и повернулся к женщине:

— Госпожа Тао, я глубоко признателен вам за великодушие и готовность пойти навстречу. Но буду с вами честен: даже восемьсот тысяч я при всём желании сейчас собрать не смогу.

Тао Цзинчжу ничуть не удивилась. Такой ответ её более чем устраивал.

— Я и не жду, что ты вытащишь их прямо сейчас из кармана, — снисходительно протянула она. — Можешь отдавать частями. Прямо здесь, под присмотром офицера, напишешь долговую расписку. Обязуешься выплатить восемьсот тысяч в течение пяти лет. Проценты я так и быть начислять не стану — всё равно у тебя за душой ни гроша.

Пять лет. По сто шестьдесят тысяч в год. Если пахать круглыми сутками, не есть, не пить и спать на улице, возможно, он как-нибудь наскребёт эту сумму.

Стиснув зубы до боли в челюсти, Чжоо Чэнь под строгим взглядом Чжуан Ишуя написал расписку и прижал испачканный в чернилах палец к бумаге. Ян Вэньбо всё это время сидел тише воды ниже травы, втянув голову в плечи и боясь даже дыхнуть.

Расписку составили в трёх экземплярах. Один Чжуан Ишуй забрал в архив как свидетель, а Тао Цзинчжу аккуратно спрятала оригинал в свою брендовую сумочку. Перед тем как уйти, она достала изящную визитку, насквозь пропитавшуюся приторным ароматом «Шанель №5», и вложила её в ладонь Чжоо Чэня.

— Жду твоего звонка, — шепнула она ему на ухо.

Чжоо Чэнь поймал её липкий, многообещающий взгляд и затылком почувствовал: настоящие неприятности только начинаются. Но деваться ему было некуда. Его хрупкая, едва начавшая налаживаться жизнь в один миг покатила под откос, и мир вокруг подёрнулся удушливой серой гарью, сквозь которую не пробивался ни один луч света.

Когда они уже выходили на улицу, Чжуан Ишуй вызвался проводить их до ворот участка. Прощаясь, молодой полицейский не выдержал и сочувственно произнёс:

— Слушай... Если вдруг понадобится помощь, ну, чисто по-человечески... Набери меня, ладно? Постараюсь чем смогу.

Чжоо Чэнь обернулся и слабо, но искренне улыбнулся. На его бледных щеках проступили едва заметные, трогательные ямочки, придав лицу выражение детской ранимости.

Но голос его был мёртвым и холодным как лёд:

— Спасибо, офицер. Но здесь вы бессильны.

Они вышли на улицу Хунсян. По обе стороны дороги безмолвными часовыми застыли ровные ряды тополей. Чжоо Чэнь запрокинул голову: небо над городом казалось низким, тяжёлым, затянутым беспросветной мглой, в которой не угадывалось ни единой звезды.

Ян Вэньбо понуро семенил рядом. Глядя на его согнутую спину, Чжоо Чэнь невольно вспомнил детство. До пяти лет Вэньбо был по-настоящему славным малым. Хвостиком бегал за ним повсюду, заглядывал в глаза и не умолкал: «Гэ, посмотри сюда! Гэ, поиграй со мной!». Сам Чжоо Чэнь тогда был ещё наивным ребёнком и, несмотря на жестокие побои отчима, никогда не вымещал обиду на младшем брате.

Но сказка быстро закончилась. Ян Вэньбо вырос точной копией своего папаши — таким же

эгоистичным, расчётливым паразитом. С молчаливого согласия отца он приучился смотреть на старшего брата как на тягловый скот, обязанный безропотно везти любую семейную грязь и лишать себя свободы ради чужого блага.

От этих мыслей в груди Чжоо Чэня заклокотала ярость. Стоило им свернуть в тёмный, глухой переулок подальше от камер полицейского участка, как он резко затормозил и развернулся на пятках.

— Ян Вэньбо.

Подросток только успел вскинуть голову, как сокрушительный удар кулака повалил его на асфальт. Чжоо Чэнь целился точно в свежую ссадину на щеке. От дикой, вспыхнувшей с новой силой боли парень взвыл на всю улицу; из разбитого носа и лопнувшей губы мгновенно брызнула кровь, смешиваясь с хлынувшими из глаз слезами. Лицо его в секунду превратилось в сплошное грязное месиво.

— Ах ты сука! — Вэньбо кое-как поднялся на ноги, тяжело дыша и собираясь броситься на брата с кулаками, но наткнулся на его безумный, налитый кровью взгляд и невольно попятился.

Да он сам едва не рыдает...

Заметив на глазах Чжоо Чэня блеснувшие слёзы, Вэньбо растерянно гаркнул, пытаясь скрыть собственный страх:

— Да хорош тебе сырость разводить! Чжоо Чэнь, вытри сопли, ведёшь себя как девка!

Чжоо Чэнь даже не удостоил его ответом. Развернувшись, он зашагал прочь, глядя исключительно перед собой.

Ян Вэньбо, при всей своей наглости и беспардонности, наконец по-настоящему испугался. Огромный долг в восемьсот тысяч висел над ними дамокловым мечом, но предложить хоть какую-то помощь у него не хватало духу. Влезать в кабалу самому? Ещё чего! Ему ведь учиться надо, строить великое будущее.

— Ладно тебе, Чжоо Чэнь! — закричал он в спину брату, едва поспевая за его широкими шагами. — Ну накосячил, с кем не бывает? Я помогу тебе отдавать! Слышишь? Подаю документы на эту чёртову социальную стипендию для малоимущих, идёт?!

Ян Вэньбо, точь-в-точь как его отец, был человеком тщеславным и закомплексованным. Для него расписаться в собственной бедности и просить у государства гроши было верхом унижения, поэтому раньше он даже слышать об этом не хотел. Впрочем, какая разница? До сих пор он преспокойно жил и шиковал на деньги, которые Чжоо Чэнь зарабатывал потом и

кровью.

— Поможешь мне отдавать? — Чжоо Чэнь резко остановился и обернулся. На его губах играла жуткая, холодная усмешка. — Какая невиданная щедрость, Вэньбо! А ничего, тварь, что если бы не твоя тупость, у меня вообще не было бы этих долгов?! Слышать меня не хочешь? Отлично. Я уже предупредил твоего папашу: это был последний раз, когда я вытаскивал тебя из дерьма. С этой секунды мы друг другу никто. Забудь, как меня зовут, и не смей ко мне приближаться.

Сколько себя помнил Ян Вэньбо, старший брат всегда был рядом. Чжоо Чэнь готовил, стирал, убирал, таскал воду. Когда Чэню исполнилось девять, отчим спьяну сломал ногу и превратился в калеку — тогда на хрупкие плечи мальчика легла ещё и тяжёлая работа в поле. За всю свою сознательную жизнь Ян Вэньбо ни разу не задумывался о том, что эта покорная домашняя скотина может взбунтоваться и уйти навсегда.

"Бесится просто" — успокоил себя подросток.

— Кончай цирк устраивать, — нагло ухмыльнулся он, уверенный в своей безнаказанности. — Куда ты денешься? Мать-то никуда не делась.

Да уж, это единственное, что их связывало — общая мать, Фан Цюфэнь. При упоминании этого имени в душе Чжоо Чэня шевельнулась тоскливая, щемящая нежность, которая тут же сменилась горьким разочарованием. Он слишком хорошо знал: для матери всегда существовал только один сын — её драгоценный Вэньбо.

В глубоком детстве она ещё пыталась защищать Чжоо Чэня от кулаков отчима, плакала над его ранами, но со временем сломалась. Её слепая любовь целиком перетекла на младшего, а до старшего, его боли, слёз и разбитых надежд ей больше не было никакого дела.

Чжоо Чэнь медленно, глубоко вздохнул, унимая дрожь в руках, и тихо, но твёрдо произнёс:

— Больше я пальцем ради вас не шевельну.

Словно какая-то ржавая цепь, стягивавшая его грудь долгие годы, наконец с хрустом лопнула. Было невыносимо больно, но вместе с этой болью пришло дикое, пьянящее чувство свободы. Если материнской заботы и его детских слёз не хватило, чтобы оплатить долг за то, что его когда-то произвели на свет, то этих восьмисот тысяч точно хватит с лихвой.

Пожалуй, это отличная сделка. Восемьсот тысяч юаней за право навсегда избавиться от семейного ада и стать свободным человеком. Вот только с этого самого дня он остался один-одинёшенек на всём белом свете.

Впрочем... Семья? Разве этих троих можно было назвать семьёй? Обычная стая голодных

шакалов, готовых сожрать его при первой же возможности.

Эта мысль окончательно отрезвила его. Боль утихла, уступив место ледяному спокойствию. Он медленно, безумно усмехнулся.

Ян Вэньбо ошарашенно уставился на брата. В неверном свете уличного фонаря лицо Чжоо Чэня казалось мертвенно-бледным, а глаза превратились в бездонные чёрные провалы, затягивающие в себя остатки ночного света. Эта дикая, пугающая улыбка на застывшем лице делала его похожим на безумца.

Шевельнув окровавленными губами, Чжоо Чэнь тихо выплюнул последнее слово:

— Пошёл вон.

<http://bllate.org/book/18248/1747591>